

Институт славяноведения
Российской академии наук

Исследования
по славянской диалектологии

25

Москва • 2025

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева*

Редакколлегия:

д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко

Рецензенты:

к.ф.н. Е. В. Колесникова, к.ф.н. М. В. Ясинская

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. — 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists — specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>С. Л. Николаев.</i> К акцентуации праславянских <i>о-</i> и <i>и-</i> основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах.....	5
<i>Сладжана М. Цукут.</i> Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах	149
<i>С. В. Князев.</i> Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон	178
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие	207
<i>И. А. Марченко, Р. В. Ронько.</i> Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования	236
<i>А. В. Мальшева.</i> Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья	260
<i>М. Н. Толстая.</i> Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая	282
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i>	302
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами	305
<i>Т. В. Шалаева.</i> Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)	316
<i>А. Б. Коконова.</i> Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в севернорусских говорах	326
<i>Д. Н. Гальцова.</i> Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах	334
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, <i>С</i>	345
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, <i>Т</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко. Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)</i>	407
<i>Н. И. Муравлева. Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево</i>	426
<i>Г. П. Пилипенко. Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)</i>	442

М. Н. Толстая
(Москва)

Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая

В статье на материале опубликованного корпуса диалектных текстов рассматриваются отдельные синтаксические и морфосинтаксические черты украинского закарпатского говора села Русская Мокрая: оборот *accusativus cum infinitivo*; *dativus possessivus* личных местоимений; пассивные конструкции с возвратными формами глаголов; перфект совершенного вида для выражения неоднократного действия (может быть продолжением древнего имперфекта совершенного вида); ирреальные условные конструкции без **by*; союзы в конце фразы (эмфаза); эмфатическое употребление союза *коли*. Эти явления рассмотрены на общем фоне закарпатского диалекта украинского языка; ряд из них обнаруживает параллели в южнославянских и западнославянских языках.

Ключевые слова: украинский закарпатский диалект, синтаксис, *accusativus cum infinitivo*, *dativus possessivus*, пассивные конструкции, имперфект совершенного вида, условные конструкции, плюсквамперфект, конечные союзы, эмфаза, карпатско-южнославянские параллели

В двух предыдущих выпусках «Исследований по славянской диалектологии» нами был опубликован небольшой корпус текстов из села Русская Мокрая (Руська Мокра), записанных весной 1995 г. во время экспедиции Института славяноведения [Николаев, Толстая 2021; 2023]. Украинское село Русская Мокрая Тячевского района Закарпатской области расположено в центре Украинских Карпат, в отрогах хребта Горганы, на высоте около 600 м, в долине реки Мокрянка в 5 км от впадения ее в р. Тересву. Говор Русской Мокрой принадлежит к закарпатскому диалекту; по рефлексу **ǫ > u* в новозакрытых слогах он должен быть отнесен к восточно-мараморошским говорам, однако некоторые черты его фонетики и акцентологии характерны для западной части закарпатских говоров и не характерны для мараморошских. Для публикации были отобраны расшифровки аудиозаписей, записанных А. И. Рыко и Ю. В. Стрельниковой у Анны Михайловны Полáга (1914 г. р.). Она прожила всю жизнь в родном селе и была незаурядным человеком, говорила на нескольких языках: есть дан-

ные о ее знании венгерского (в 1939–1945 гг. Закарпатье относилось к Венгрии, и это был язык администрации), немецкого и идиша (немцы и евреи до Второй мировой войны жили в Русской Мокрой и окрестных селах), знала русский и литературный украинский. В разговоре с собиравшими из России она часто употребляла русские и литературные украинские выражения, но это никак не умаляет богатство и аутентичность ее прекрасной диалектной речи. Подробнее об истории села, его говоре и информанте см. [Николаев, Толстая 2021].

Опубликованный корпус текстов составляет около 25 000 слов; такой объем позволяет делать системные наблюдения над грамматикой говора. Настоящая работа имеет целью проиллюстрировать несколько синтаксических и морфосинтаксических черт, в разной степени свойственных закарпатским говорам.

1. *Accusativus cum infinitivo*

Речь идет о классической синтаксической структуре, в которой сказуемое, выраженное глаголом восприятия, мышления, речи, управляет прямым дополнением и инфинитивом, представляющими собой действие и его субъект; такая конструкция синонимична сложному предложению с придаточным изъяснительным. Материал говора Русской Мокрой (как и вообще имеющийся закарпатский материал) ограничен только глаголами чувственного восприятия, а именно *видіти* ‘видеть’¹ и *чути* ‘слышать’.

*Колі давнó д'ітіна никрещчєна умєрла, та ходіла у ночі ревучі, за хрєс-
том. Тод'і трєба было вз'ати кусок б'їлоїї матєрійї, перекрєстїти, та
упов'їсти: «Аш из' д'ївка, бут' Мар'їчка, аш ис' хлòпєз', бут' Іван», йак
чуїют тў д'ітіну ревати, та.. кїнути тóт платок — б'їл'ше вна́ни йдє
пак плакати.* ‘Когда раньше умирал некрещеный ребенок, то ходил по
ночам и плакал по кресту. Тогда надо было взять кусок белой материи,
перекрестить, и сказать: «Если ты девочка, будь Маричка, если ты па-
рень, будь Иван», когда слышат, что этот ребенок плачет, и кинуть этот
платок — больше он потом не ходит с плачем’.

*Нó й д'їсно, казала мóйа дочка пок'їйна, шчо кўл'ко гл'анула в ночі на
óболок, і в'їд'їла там йакўс' бабу стойати. Йакóгос' т'їна в'їд'їла сто-
йати.* ‘Ну и действительно, говорила моя дочка покойная, что как взгля-

¹ В Русской Мокрой (как и в ряде других известных нам говоров) этот глагол имеет инфинитивную основу с *i* в первом слоге (в *їd'ї-*) в силу прогрессивной аккомодации перед мягким согласным и вокальной гармонии с последующим *i*.

нула ночью на окно, и увидела, что там стоит какая-то баба. Видела, что какой-то тип стоял’.

«*Мамо, йа вже чула кукушку, айбо, — ка́же, — лиші раз за́кукала*». — «*А, — ка́жу, — мо́же д’іти-с’ чу́ла у де́бри онде ку́кати*». ‘«Мама, я уже слышала кукушку, но, — говорит, — только раз прокуковала». — «А, — говорю, — может ты слышала, как дети там на склоне куковали»’.

Нó й га́да ни в’ід’іли с’ме. Так, л’ітати, га́да. ‘Ну и змею мы не видели. Так, чтобы змея летала’.

Кўл’ко у мене на руках, робіла-м сан’ітаркоў годы́, кўл’ко у мене на руках л’удей умерало, так йа не в’ід’іла нікого́ лё́хко умёрти, йак она́ ўмёрла. ‘Сколько у меня на руках, я работала санитаркой годами, сколько у меня на руках людей умирало, так я не видела никого, кто бы так легко умер, как она умерла’.

Конструкция *accusativus cum infinitivo* отмечалась в закарпатских говорах, но, по-видимому, является достаточно редкой. В. В. Нимчук в энциклопедической статье о закарпатском диалекте приводит пример *чуў го с’мія́тис’а* «чув, як він сміявся» [Німчук 2004: 191]. В диалектных текстах, опубликованных И. Панькевичем, находим: *а цш’ытка ц’ел’ад’ ут’ікла з ч’ізі́, як в’уц’іла умер’іло уст’ат’у* [а все люди убежали из хаты, когда увидели, что мертвый встал], с. Ляховцы (Ляхівці, ныне Ужгородский р-н) [Панькевич 1938: 474]². Встречается эта конструкция и в современных текстах, записанных по-закарпатски (западный, т. е. ужанский, тип), а именно, в телеграм-канале «Анекдоты по-закарпатски» [ТКАЗ]: *Мужик заходит дому из живов козов на руках тай видит жону сидіти перед телевизором* ‘Мужик заходит домой с живой козой на руках и видит жену, которая сидит перед телевизором’ (21.08.2023); *Келнер пак приходить из заказков тай видит мачку строчити дашто на новтбукови* ‘Официант приходит с заказом и видит, что кошка строчит на ноутбуке’ (22.08.2023); *Но короче, вюз им ся дому з роботы, та увидів им збоку дороги стояти дівку* ‘Ну короче, я ехал домой с работы и увидел девушку, которая стояла на обочине дороги’ (02.03.2024) и др. Однако упоминаний об *accusativus cum infinitivo* не

² Ср. также пример несколько иного рода (не с глаголом чувственного восприятия) из украинского «палеогуцульского» говора с. Русково на территории Румынии: *Кожедіі хлѡпе“ц с’а́де ко́ло свѡ́ї д’іу“іни та_ї не“ лишѡ́је јі пр’асти* ‘Каждый парень садится около своей девушки и не дает ей пряхть (букв.: не оставляет ее пряхть)’ [УГР: 154] (о «палеогуцульских» говорах см. [Николаев 2012: 72, сноска 49]). Здесь и далее при цитировании опубликованных источников сохраняется орфография оригинала.

удалось найти в диалектных описаниях и в многочисленных грамматиках русинского языка, основанного на закарпатском диалекте.

Конструкция *accusativus cum infinitivo* известна западнославянским языкам — словацкому и чешскому, а также в истории польского языка, где она сохраняется в некоторых диалектах (говоры Поморья, Великопольши и южной Малопольши) [Kucharczyk 2024]. В польской научной литературе широко распространено мнение о латинском влиянии в истории польского языка, но в отношении польских диалектов говорится также о немецком влиянии и о заимствовании этой конструкции из польского литературного языка [там же; Klemensiewicz, Lehr-Splawiński, Urbańczyk 1964: 436]. С. Кропачек в фундаментальной работе, посвященной обороту *accusativus cum infinitivo* в истории и диалектах польского языка, допускает также словацкое влияние для говоров юго-западной Малопольши [Kropaczek 1928: 486, 491]. В отношении украинских закарпатских говоров, очевидно, возможно предполагать словацкое влияние для западной (ужанской) территории Закарпатья, однако для восточного и достаточно изолированного говора Русской Мокрой такое объяснение не годится. В нашем случае, если говорить о заимствовании, по-видимому, следует предполагать именно немецкое влияние. Известно, что в Закарпатье, как и в Чехии и Словакии, было внушительное немецкое население (в частности, именно в долине Тересвы, а также около Мукачева). Известно, что в 1930 г. на территории Закарпатья проживало почти 13 тыс. немцев; в соседних с Русской Мокрой селах Усть-Чорна и Немецкая Мокрая они составляли большинство населения, а в самой Русской Мокрой — более трети: их насчитывалось 446 из общего числа жителей 1270. Немецкие (австрийские) переселенцы появились в долине Тересвы в 70–90-х гг. XVIII в. в результате реформ Марии Терезии [Макара, Офіцинський 1995: 9, 11]; память о Марии Терезии до сих пор сохраняется в устных преданиях (см. [Николаев, Толстая 2021: 238, 264])³.

³ Оборот *accusativus cum infinitivo* известен также в венгерском языке ([Károlyi 1954: 149] — благодарю Д. Ю. Ващенко за указание на этот источник); в румынском он считается утраченным [Кабанова 2010: 207]. Из южнославянских он отмечается в грамматиках словенского [Toporišič 2000: 401] и хорватского языков [Katičić 1986: 472]. Можно найти аналоги и в восточной южнославянской зоне, где инфинитив заменяется *да*-конструкцией: ср. серб. *videla sam ga da vozi bicikl* ‘я видела, как он ехал на велосипеде’ [srWaC]; болг. *видях го да прибира спринцовката* ‘я заметила, как он спрыгал спринцовку’ [УКРБТ]. Но в старославянском оборот *accusativus cum infinitivo* очень ограничен и считается чуждым, при этом не отмечается с глаголами чувственного восприятия [Haderka 1964].

2. Dativus possessivus личных местоимений

«Дательный принадлежности» личных местоимений — конструкция, соответствующая сочетанию притяжательного местоимения с существительным. Как правило, в таких оборотах употребляются краткие (энклитические) формы местоимений:

Нó пушóв брáт му на р'іку, ві́дит, шчо плыне́ крѣст, д́уже фáйный, с'в'ітит с'а на вс'у р'іку́ хрѣст. ‘Ну пошел его брат на реку, видит, что плывет крест, очень красивый, светится на всю реку крест’.

жонá му ни пришлá былá з вечѣр'ов с'уды́ ‘его жена не пришла с ужином сюда’.

Дв'і с'а встáли жóны так'і, шчо при мад'áрах йім л'ýде умѣлли, йá та шчѣ вднá. ‘Две остались женщины такие, что при венграх их мужья умерли, я и еще одна’.

Спечѣ, напечѣ колачу́, наготóвит дóброго та сы́ну соб'і несѣ́ ‘Спечет, напечет пирогов, наготовит вкусного и сыну своему несет’.

Нó вже потóму вна мýс'іла ттó роб'іти, навар'іти, шчó вже навар'іт, хот' йакóйй бурды́, а сы́ну соб'і дóброго! ‘Ну уже потом она вынуждена была это делать, наварить, что уже наварит, любой бурды, а своему сыну вкусного!’

В Русской Мокрой встретились именно основные, «ядерные» употребления такого датива — по отношению к родственникам (встречающиеся во всех славянских идиомах, которым известен посессивный датив личных местоимений). Эта конструкция встречается и в других (не всех) закарпатских говорах, в том числе и в более широком употреблении. В. В. Нимчук отмечает ее как характерную черту закарпатского диалекта, приводя примеры: *óтиц' ми* «мій батько», *мáти ти* «твоя мати», *д'ідик нам* («наш дедушка»), *сус'ідю́ нам* «нашого сусіда» («наших соседей?»), *мáтери соб'і* «твояй матері» [Німчук 2004: 191]. Ср. еще: *коро́ва с'акá му йде, лиш плетѣ нога́ми* ‘корова его такая идет, едва ногами перебирает’, с. Стеблѣвка (Стеблівка, Хустский р-н) [Добош 1971: 57]; *Адде помер цімбора ми. Коли'м стояв коло моги́лы му, та вповів им...* ‘Недавно умер мой сосед. Когда я стоял около его могилы, то сказал...’ [ТКАЗ, 31.08.2023].

Dativus possessivus личных местоимений издавна упоминался в качестве карпатско-южнославянской параллели [см. об этом: Нимчук 1988: 295]. И. Панькевич считал его архаизмом, сохранившимся в карпатской зоне, приводя пример его употребления в древнерусском: *Повѣда ємоу брата ти Игоря оубили* (Ипатьевская летопись) [Панькевич 1937: 311].

3. Пассивные конструкции с возвратными формами глаголов

Пассивные конструкции с неопределенным агенсом, представляющие трансформацию неопределенно-личных предложений с переводом переходного глагола несовершенного вида в возвратную форму (чаще в настоящем времени), широко распространены в рассказах о народных обычаях и традиционных занятиях, т. е. при описании общепринятых повторяющихся действий:

дуже фáйно празну́ють с'а Рóжжествó Христóво ‘очень красиво празднуют (празднуется) Рождество Христово’.

кáжут, шчо хрен за ттó с'а с'ати́т, абы́ ни бол'іти, тай часно́к ‘говорят, что хрен для того освящают (освящается), чтобы не болеть, и чеснок’.

Часно́к зелéный, хр'ін *кладе́ме, тотó пéрвый рás йіс' с'а на Пáсху, абы́ л'уде ни хвор'іли*. ‘Чеснок зеленый, хрен кладем, это первый раз едят на Пасху, чтобы люди не болели’.

Идúт на Стрáс'ц'а до цéркви тáм. У но́чї тто слúжит с'а. ‘Идут на Страстье в церковь там. Ночью это служат’.

То пáл'ат с'а тоты́ с'в'ічкы́ в цéркви, гор'áт. ‘Это зажигают (зажигают) эти свечи в церкви, горят’.

Такое употребление пассивных конструкций известно во многих закарпатских говорах, ср.: *D'erevo s'a po|imat rub|aty do s'ahú k|aždyj čas, do k|ocú okt|obra, sept|embra i nov|embra*. ‘Дерево берут в рубку на кругляк в любое время, на строевой лес — в октябре, сентябре и ноябре’, с. Нанково (Хустский р-н) [Панькевич 1938: 443]; *U p|atnic'u rus|al'ni s'a rve tučn'oje z'il'a u hor'otcy ta klad'ěs'a u ch'yžī* ‘В Русальную пятницу рвут сочную зелень в палисаднике и кладут в доме’, с. Нижний Быстрый (Нижний Бистрий, Хустский р-н) [там же: 445]; *С'атый вичúр настайé / ýс'і пóст'ац':a / до вичора с'а ни іс'т' / із об'іда почінац':a варіти вичі́р'a* ‘Наступает Сочельник, все постятся, до вечера не едят, с обеда начинают готовить ужин’, с. Горонда (Мукачевский р-н) [УЗГТ: 74].

Однако «тривиальность» этой конструкции оказывается не столь однозначной в примерах, где отсутствует ожидаемое согласование по числу:

Йáйц'а дайé с'а в Жівный четвéр. ‘Яйца дают в Чистый четверг’.

Такий хл'ібец', тáм поклáдуд дéв'йад' зерén пшени́ц'і, дéв'йат', и три́ зупкы́ часныкá с'а клáдэ в ттó. ‘Такой хлебец, там положат девять зерен пшеницы, девять, и три зубчика чеснока кладут туда’.

... *pál'at na Pásku ttú s'v'íčku.* коло цѣрки, йак с'ати́т паскы́, *та с'в'ічкы́ с'а на паску кладѣ* та.. *пáлит с'а ттá с'в'ічка.* '...зажигают на Пасху эту свечку, около церкви, когда освящают куличи, и вставляют свечки в кулич, и зажигают эту свечку'.

Наконец, в следующих примерах ясно видно, что речь идет о параллельной безличной конструкции с винительным падежом объекта действия:

Дóшч пак идѣ, йаг жáбу ўб'іѣ с'а. 'Дождь потом идет, если убить лягушку'.

Тоты́ с'в'ічкы́, ко́лі л'уді́на вмерáѣе, тоту́ с'в'ічку с'а пáлит. 'Эти свечки, когда человек умирает, эту свечку зажигают'.

Дúже фáйну вытпráву слúжит с'а. 'Очень красивую службу служат'.

Примеры пассивных конструкций с винительным падежом объекта (наряду с именительным) известны и из других говоров, ср.: *Ко́лі капúс-ту с'а прикладѣ ў бóчку, та кладúт кáмін* 'Когда капусту сложат в бочку, кладут камень', с. Синевир (Межгорский, ныне Хустский р-н) [МКЭ]; *i sa 'duhy 'skladuje* 'и складывают дуги (при изготовлении бочки)'; *toh'dy sa na'l.l.ije 'vody* 'тогда наливают воды' (с прямым дополнением в род. п.), с. Новоселица в восточной Словакии [РП: 29]; *Vítmák kladé si v'íkna, vítmák ver v'íkón si kladé očéni* 'Вот так делают окна, вот так сверху окон кладут перекладины, которые держат окна', с. Вишавская Долина (Вишавська Долина) в Румынии [УГР: 191]. В примерах с пассивной ся-конструкцией в прошедшем времени конструкции с именительным падежом объекта действия не нейтрализуются формально с винительным падежом (кроме ср. р. ед. ч.) в силу согласования не только по числу, но и по роду. В диалектной записи из г. Иршава (боржавский говор) в рассказе о Рождественском сочельнике на 7 случаев номинативной конструкции один раз употребляется аккузативная, с формой глагола в ср. р. (ниже выделено двойным подчеркиванием): *На сáмый С'атый вѣчúр спѣршу с'а годováло худóбу / а лишѣ по'тому с'а прибирáѹ стúл фáйноў б'ілоў скáте"р"оў [...]* *тай клáлис'а на н'ого стрáвы* 'В самый Сочельник сначала кормили скотину, а только потом накрывали стол красивой белой скатертью [...] и ставили на него еду (закуски)', г. Иршава (и трижды использована активная неопределенно-личная конструкция с глаголом во мн. ч.) [УЗГТ: 85]; ср. также в тексте из с. Сокирница (Сокирница, Хустский р-н): *з'рóш'і с'а | т'аи́ко зарóб'тáло на ст'рóйкы / а пак ст'рóйі́лос'а // спер'шу | ры́лос'а в зе"м'ни фунда́мент / ша'лункы ко'палис'а* 'На строительство с трудом зарабатывали деньги, а потом строили. Сначала рыли

в земле фундамент, копали траншеи'; *ч'и|нилис'а|вал'кы| / тиглы не^и было так / ги ти|пир / а|вал'кы|ро|билис'а|та'к'і| із|глины* 'Делали саманные кирпичи, кирпичей не было так, как сейчас, а делали такие саманные кирпичи из глины' [Сабадош 2008: 465].

Таким образом, в говоре Русской Мокрой (как и в ряде других закарпатских говоров) мы имеем дело с двумя типами пассивных конструкций с возвратными формами глаголов. В первом из них объект действия выступает в именительном падеже, в качестве подлежащего; этот тип известен всем славянским языкам [Meуer 2010]. Второй тип представлен безличными предложениями, где объект действия выступает в качестве дополнения в винительном (или родительном) падеже. Такие конструкции существуют в польском языке⁴, однако в силу культурно-исторических причин предполагать непосредственное польское влияние в закарпатском диалекте трудно. В украинском литературном языке известны только конструкции первого типа; они считаются сугубо периферийными и свойственными только языку научных текстов, и их нормативность остается дискуссионной (поскольку нормативное предпочтение отдается активным конструкциям) [Лавриненц 2013; Гінзбург 2014].

В пассивных конструкциях с возвратными глаголами в закарпатских говорах нормально употребляется несовершенный вид глагола, однако это правило не абсолютно (см. выше пример *йаг жабу уб'йе с'а*, а также примеры из с. Синевир и Новоселица). Ср. ниже об употреблении совершенного вида в прошедшем времени в том же типе повествования (описание обычного порядка вещей).

Для закарпатских говоров следует отметить также примеры безличных конструкций с возвратными формами глаголов без прямого дополнения или непереходных — ср. выше пример *до вічора с'а ни їс'т'* 'до вечера не едят', с. Горонда (Мукачевский р-н), а также: *майбу́л'ше ходіло́с'а п'ішкы* 'больше всего ходили пешком', с. Брод (Брі́д, Иршавский, ныне Хустский р-н) [УЗГТ: 84]; *Через два-три т́ижні́ і за́чало́ с'а ў городдах ко́сити* 'Через две-три недели начали косить в огородах'; *Тыж-дин' гові́н'а не сновало́ с'а, не сну́ють* 'Неделю [Рождественского] поста не сновали, не спуют', с. Синевир (Межгорский, ныне Хустский р-н) [МКЭ], которые прямо соответствуют аналогичным инославянским кон-

⁴ Ср.: *Bierze się kwaszoną kapustę. Dodaje się soli. Gotuje się 15 minut, piecze się, wyjmuję się z pieca* [Bak 1984: 410–411].

струкциям, ср. польск. *Wtedy nie chodziło się tak daleko* ‘Тогда не ходили так далеко’ [NKJP]; сербск. *Gorile su vatre, peklo se, kuvalo i jelo* ‘Горели костры, (люди) жарили, варили и ели’ [srWaC] и т. п.

4. Перфект совершенного вида для выражения неоднократного действия

Речь идет об употреблении совершенного вида глаголов по отношению к повторяющимся действиям в прошлом (параллельно с несовершенным видом), например:

...давно ни так, як тепér, давно чім с'а вродила д'ітіна, такої зразу мýли. Кла́ли в ванночку, покупáли, і пові́ли. То зразу мыва́ли з д'ітіны. ‘Раньше не так, как сейчас, раньше, как только родился ребенок, так сразу мыли. Клали в ванночку, купали и пеленали. Это сразу смывали с ребенка’. Коли́ давно д'ітіна никреши́чена умéрла, та ході́ла у ночі реву́чі, за хрéстом. ‘Когда раньше умирал некрещеный ребенок, то ходил ночью и плакал по кресту’.

А тта́ корóва, як об'і́т, так ход' вíткы, утекла́ ход' вíткы с пáші, здалеку вт'іклá і пр'áмо т то́му кáм'і́н'ови йшлá. ‘А эта корова, как обед, так хоть откуда, убегала хоть откуда с пастбища, издалека убегала и шла прямо к этому камню’.

Осі́ка. Та с то́го брали.. бо́ту такú, б'і́гар', та коли́ корóва с'а ма́ла телі́ти, та чині́ли свéрдлом, просвердл'і́ли у поро́з'і, та здойі́ли пéршої кула́йстры, коли́ телі́ц'а с'а пéрший рáс телі́ла. Та в то́ту д'і́рку сы́пали то́ї кула́йстры, та т́ым чо́пом із осі́кы забивáли. ‘Осина. Из нее брали.. палку такую, чурку, и когда корова должна была телиться, то делали сверлом, сверлили такую дырку в пороге, и надаивали первое молозиво, когда телка в первый раз телилась. И в эту дырку лили это молозиво, и этой затычкой из осины забивали’.

Начина́ли хы́жу стрóйити, на вс'і́х чоты́р'о́х ву́глах кла́ли дору́, дора́, шчо в це́ркви слúжит с'а проскомéдйя нат т́ым хл'і́бом, та кла́ли у кáжзый ву́гол, то́то заверт'і́ли свéрдлом, і та́м закла́ли с'ачéну сýл', дору́, часно́к. То дúже нáтвердо чо́пиком такы́м затка́ли тто́ та́м. Та ході́ли мо́ли́ли с'а, на т́ум фунда́ментови, та́к стрóйити начина́ли. ‘Начинали строить дом, на всех четырех углах клали просфору — просфора, что в церкви служат проскомидию над этим хлебом, — и клали в каждый угол, это закручивали сверлом, и туда закладывали освященную соль, просфору, чеснок. И крепко-накрепко затычкой такой затыкали это там’.

Такие формы могут употребляться и параллельно с глаголами в настоящем времени:

Прийде тотá до хýи, котрá видобрáла. Нó, шчó чинíли. Лúде давн'í бýли май розúмн'í. Уз'áли дойти на́вхрест корóву, зáдний до́йок тай перéдний. И пак изнóв, на дрýгий бук тák на́вхрест до́ят, на. [...] мо-локо берúт, на ковбáн кладúт та сокýров с'íчат. 'Придет та в дом, которая отобрала [у коровы молоко]'. Ну, что делали. Люди раньше были поумнее. Брала доили крест-накрест корову, задний сосок и передний. И так снова, с другой стороны так крест-накрест доят. [...] берут молоко, кладут на колоду и рубят топором'.

Пéриу нýч, котрá бýла д'ívка чéсна, ни йшлá л'ígати с хлóтц'ом. Пéриу нýч н'í, ни л'ígали, до рáно тан'ц'овáли, гул'али. А ни л'ígали, ни йшли́ спáти. Í котрá д'ívка бýла чéсна та ган'бýла с'а, ттá ни пушлá спáти. А котрá бýла май такá, та пушли́ спáти соб'í, лишат гóс'ц'у в хáт'í, гóс'ц'í гул'áют, п'ýт, а вонý соб'í сплáт. 'В первую ночь [во время свадьбы] девушка, которая была порядочная, не шла ложиться с парнем. Первую ночь нет, не ложились, до утра танцевали, гуляли. А не ложились, не шли спать. И девушка, которая была порядочная и стыдилась, не шла спать. А которая была больше такая, то шли себе спать, оставят гостей в доме, гости гуляют, пьют, а они себе спят'.

По-видимому, использование глаголов совершенного вида в отношении повторяющихся действий в прошлом в закарпатских говорах распространено широко. Ср.:

да́уно зойшлís'а / ко́ли д'íуки хо'т'íлис'а од:авáти / но та зойшлís'а до ко́рчмы' двóме так'í / шо маў сýна / д'íуку / но та там помáлу вупивáли / но там договóр'увалис'а 'Раньше встречались, когда девушкам пора было замуж, встречались в корчме вдвоем такие, у кого был сын, дочка, и там немного выпивали и договаривались', с. Русские Комаровцы (Руські Комарівці, Ужгородский р-н) [УЗГТ: 50];

та сам'í з'ме полóтно ткáли // до́ужа се бýла робóта [...] д'íуки зойшлís'а уд нам í мн'áli з'ме тóт'í ко́нопл'í ногáми [...] а мы с:истрóу тóт'í ниткý на ц'íуку вíли í у чо́уник клáли // а мáма ткáли [...] увéс'н'í полóтно намóчили з'ме у вóду í ўб'илили на сонц'у 'И мы ткали полотно. Это была долгая работа [...] Девчата сходились к нам, и мы мяти эту коноплю ногами [...] А мы с сестрой эти нитки вили на цевку и клали в челнок, а мама ткала [...] весной полотно мы мочили в воде и белили на солнце', с. Жнятино (Мукачевский р-н) [УЗГТ: 54];

Та пак тóтó с'íно брáло с'а у верéту, тай замéла с'а хýжа, та т тóму, та тóтó ўнесло с'а дис' óнде та запалíло с'а óнде ци на нівí, ци дís'

о́нде за хы́жорǔ ‘Потом это сено складывали в полотно, и подметали дом, и [добавляли] к нему, и это выносили куда-нибудь туда и поджигали там или на огороде, или где-нибудь там за домом’, с. Синевир (Межгорский, ныне Хустский р-н) [МКЭ].

Ср. также употребление глагольных форм в рассказе о Рождественском сочельнике:

колі́ йа ичи́ была́ малá / сигін'átko н'án'ко с'а ўд'іваў у Ісўсика // на пліч'і браў ве'лікі́ м'іх / а ў м'іх клаў ор'іху / конфэты / кон'і́кі // ма́ти розм'ітовала по д'і́лови с'іно́ і со́лбму // а мы́ / мал'і́ д'і́ти / сид'і́лиз'ме за сто́лом і че'ка́лі Ісўсика // чў́йе"ме / хтос' дў́пит' у дві́р'і / мы ў́же зна́лі / же то Ісўсик // ма́ти му откры́ла дві́р'і / а вун обы́шоў три рас сту́л / побі́ў па́лиц'оў по стол'і́ і поча́ў із м'і́ха ви́шты́кой сы́пати по зéмлі // мы с'а споча́тку бойа́лі збе"ра́ти / а йак вун пушо́ў гет / та з'ме с'а хот'і́лі побі́ти на тых кон'і́ка́х // а пү́түм / дас че́ре"с пүўгóдыны / н'án'ко с'а ў́же ве"рну́ў іс с'ачéноў водо́ў у рука́х // да́льше ході́лі у ста́йн'у із ма́т'ір'оў [...] пү́түм із'ме с'і́дали за сту́л ви́чір'ати... ‘Когда я была еще маленькая, бедняжка папа одевался Исусиком, взваливал на спину большой мешок, а в мешок клал орехи, конфеты, монетки. Мать разбрасывала по [полу] сено и солому, а мы, малые дети, сидели за столом и ждали Исусика. Слышим, кто-то стучит в дверь, мы уже знали, что это Исусик. Мать открывала ему дверь, а он обходил трижды стол, бил посохом по столу и начинал всё из мешка рассыпать по земле. Мы сначала боялись собирать, а когда он уходил, то мы чуть не дрались за эти монетки. А потом, где-то через полчаса, папа уже возвращался со святой водой в руках. Дальше ходили в хлев с матерью [...] Потом мы садились за стол ужинать...’, с. Турья Реметы (Тур'я-Ремета, Перечинский, ныне Ужгородский р-н) [УЗГТ: 41].

Такие употребления глаголов совершенного вида часто появляются в рассказах о традиционной культуре, об обычаях и обрядах, т. е. о жизни в прошлом, когда речь идет о типичном ходе вещей. Легко заметить, что представленное здесь значение соответствует «кратно-перфективному» значению бывшего имперфекта совершенного вида, а именно «многократно повторявшееся в прошлом действие, каждый отдельный акт которого достиг завершения» [Маслов 1954: 81]. Можно предположить, что совершенный вид в таких конструкциях остался именно от этой формы. А. А. Зализняк, исследуя имперфект совершенного вида в древнерусском языке, пришел к выводу, что «активное употребление имперфекта совершенного вида было характерной чертой южной части восточносла-

вянской зоны, отличавшей ее как от старославянского и церковнославянского языка, так и от новгородско-псковской зоны» [Зализняк 2008: 99]. Опираясь на основополагающую работу Ю. С. Маслова, А. А. Зализняк подтвердил, что отмирание форм имперфекта совершенного вида в истории древнерусского языка шло двумя путями: во-первых, путем замены этих форм на формы несовершенного вида (и в дальнейшем, соответственно, на формы перфекта); во-вторых, заменой их формами презенса совершенного вида [Зализняк 2008: 99–100]. Вероятно, в карпатоукраинских говорах наряду с первыми двумя восточнославянскими заменами имперфекта совершенного вида представлен и третий путь — замена его на перфект совершенного вида, так же, как в истории польского и чешского языков [Маслов 1954: 96]. Ср. также положение в словенском языке, где глаголы совершенного вида «могут употребляться для выражения повторяющегося и узуального действия» [Плотникова 1977: 319]; показателен пример рассказа о старых обычаях, который записал в XVIII в. Янез Вайкард Валвасор (Janez Vajkard Valvasor): *V Kranju in okolici so imeli kmetje nekoč navado, da do se tretji dan po krstu zbrali botri ter okopali in uмили krščenega otroka. Vodo, v kateri so skopali otroka, tako imenovano križmo, so zlili pod višnjo ali češnjo, če je bila deklica, ali pa pod oreh, če je bil fantek...* ‘В Кране и его окрестностях у крестьян когда-то был обычай, что на третий день после крещения крестные родители собирались, чтобы искупать и умыть крещёного ребёнка. Воду, в которой купали ребенка, так называемое «крижмо», выливали под вишню или черешню, если это была девочка, или под орех, если это был мальчик’ [Zablatnik 1990: 29].

5. Ирреальные условные конструкции без *by

Речь идет о конструкциях, которые употребляются в условных придаточных, относящихся к прошедшему времени, т. е. в протасисе условных предложений в плане прошедшего. Такие предложения описывают альтернативное прошлое и тем самым выражают ирреальное условие. Для карпатоукраинских говоров (как и вообще для восточнославянских) обычно употребление частицы *by* в обеих частях условной конструкции. При этом характерны формы плюсквамперфекта в одной или обеих частях.

В корпусе текстов из Русской Мокрой встретилось всего три примера условной конструкции в плане прошедшего, но все они без частицы *by* в условии (во второй части при этом *by* присутствует). Каждый из примеров примечателен.

В первом случае в условии употреблен индикатив плюсквамперфекта (*бы* при этом присутствует в главном предложении):

То тат была-м ни хот'іла, та і убіли бы были туды у т'урм'і го. 'Так, если бы я не (за)хотела (его спасать), то и убили бы его там в тюрьме'.

В карпатоукраинских говорах уже отмечались отдельные примеры использования форм индикатива плюсквамперфекта в ирреальных значениях (в той или другой части условной конструкции), ср. пример из Синевира: *Прийшла бы была-сь до ня в Живный четверг, та дала была-м ти яйце* 'Ты бы пришла ко мне в Страстной четверг, и я бы тебе дала яйцо' [МКЭ]; о регулярном использовании таких форм (в том числе вне условной конструкции) в двух конкретных говорах (лемковском на территории Словакии и прикарпатском) см. [Толстая 2023: 546 и сл.]. В закарпатских говорах, по-видимому, они встречаются только спорадически.

Во втором случае из Русской Мокрой употреблена конструкция, которую можно условно назвать «безглагольным плюсквамперфектом»:

Онi споміна́ють и тепе́р' мен'і, шчо йа́т была ни йа́, та мо́же шо́з' бы было было з' д'іти́нов. 'Они и теперь мне вспоминают, что если бы не я, то, может, что-то бы случилось с ребенком'⁵.

«Безглагольный плюсквамперфект» отмечен в текстах, написанных на гуцульском диалекте, но там *бу присутствует (например, *А ск би була ни та вода, то би си був давно минув* 'А если бы не эта вода, то ты бы давно пропал (погиб)' [Шек.ДИ: 436]). Литературная украинская конструкция, соответствующая русской («если бы не X_{ном.}»), также содержит *бу: *Все було би добре, якщо би не ложка дьогтю!* В закарпатских говорах другие примеры «безглагольного плюсквамперфекта» пока неизвестны.

Третий пример из Русской Мокрой — фраза из былички (речь демонического персонажа, который не смог причинить вред мальчику, потому что тот наелся чесноку):

«Гэх', — ка́же. — Найів-ис' с'а часныку, встих-ис' ни йісти часныку́, то́ бы б́ыв б́ыв му́й тепе́р». '«Эх, — говорит. — Ты наелся чесноку, если бы ты не ел чеснок (букв.: «успел бы ты не есть чеснока»), то был бы теперь мой»'.

Здесь в протасисе употреблена форма даже не плюсквамперфекта, а перфекта совершенного вида. В недоумение приводит и место отрица-

⁵ Во второй части этой фразы представлена форма плюсквамперфекта от глагола «быть», регулярно образующаяся в закарпатских говорах в отличие от гуцульских и прикарпатских (а также украинского литературного языка).

тельной частицы в этой конструкции. Но замечательно, что совершенно аналогичный пример записан в Синевире: *А ўстїгли л'ўде не прибїчи, тай не знїти, шчї бы бїло з нїми бїло* 'А если бы люди не прибежали (вовремя) (букв.: «успели не прибежать»), то неизвестно, что бы с ними было' (об оглушенных молнией) [МКЭ], т. е., по-видимому, мы имеем здесь дело с устоявшимся оборотом (структура которого все же не совсем ясна). Что касается видо-временной формы глагола (*ўстїгли*), то она может иметь отношение к сюжету, рассмотренному в предыдущем разделе: согласно Ю.С. Маслову, в современном болгарском языке «модальное значение имперфекта совершенных глаголов — значение условного наклонения — является наиболее типичным» из модальных значений этой формы [Маслов 1954: 120].

И индикатив плюсквамперфекта, и перфект совершенного вида в условном значении обнаруживаются в примере из «палеогуцульско-го» украинского говора из румынского Марамороша: *Аж не" ўгїдиў та буў-им не" ўпаў, та ўтак буў н'а убиў на сме"рт'. Алє стр'їлиў-им, так гор'їлиц', два рїзи. [...] лиш-им стр'їлиў та ї тул'ко шчїст'а маў, шїм-и угїдиў-им у сїму гїлїву маў, а їнак им-буў гїтївиї*. 'Если бы я не попал (в цель) и не упал бы, то так бы [медведь] меня убил до смерти. Но я выстрелил, так лежа на спине, два раза. [...] только я выстрелил и, на счастье, попал ему прямо в голову, а иначе я бы был готов (пропал)', с. Кривой (Кривий) [УГР: 132].

6. Союзы в конце фразы (эмфаза)

Союзы *та* 'и' и *шїчо* в говоре Русской Мокрой могут употребляться в абсолютном конце фразы, будучи при этом ударными. Такие употребления представляют усечение эмфатических оборотов, при котором эмфаза переносится на союз.

Соединительный союз *та* в конечном употреблении соответствует русскому 'и всё':

Нї тко мїв богїто грїшиї, богїто рїс тан'ц'овїв їз молодїв. Та тко нї мїв грїшиї, та рїз затан'ц'їїє тїї. 'Ну у кого было много денег, много раз танцевал с невестой. А у кого не было денег, раз потанцует и всё'.

Тї с'їшчїнник кладї, нїп, платїк на молодї. Їїак ужє вїїде с цїркви, тїтї знимїїут коло цїркви тїт платїк тїї. 'Это священник надевает, поп, платок на невесту. Когда уже выйдет из церкви, то снимают около церкви этот платок, и всё'.

Йако́с'-им їх ус'іх пом'істила, по.. погодова́ла, шчо́ бы́ло, тто́-м да́ла, та́. 'Как-то я их всех поместила, угостила, что было, то я дала, и всё'.

Йа́ не робі́ла йі́сти тепе́р'к[а] ничо́го, абы́ лиш у це́ркви. Спекла́-м так'і бу́лочки де́в'ят', тай гроби́и, де́в'ят' одові́ц'-им заклі́кала стары́х, вдов, до це́ркви. Там-им им да́ла булкі́ тты́ та́. '[В поминальный день] Я не готовила есть теперь ничего, чтобы только в церкви. Я испекла такие булочки, девять, и деньги, девять вдов я позвала старых, вдов, в церковь. Там я им дала булки эти и всё'.

Союз *шчо* в конце фразы под ударением выражает сильную эмфазу в конструкции *так ... шчо* (в русском языке для такого употребления нет прямого лексического соответствия):

Та стр'і́л'а́йут пото́му та́м д'і́ти, кладу́т патро́ны у ва́тру тту́, та та́к стр'і́л'а́йут, шчо́. 'И стреляют потом там дети, кладут патроны в этот костер, и так стреляют, что (не дай бог)' (о кострах на Пасху).

Ту́й одна́ мо́я подро́га та́к с'а му́чила за су́тку, шчо́. *Ні́йа́к ни мо́гла уме́рти.* 'Тут одна моя подруга так мучилась сутки, что (страшное дело). Никак не могла умереть'.

Уби́ли ї́й бы́ли л'у́де. У́же взна́ли, шчо́ вна́ пере́кыда́йе с'а на во́вка. Па́к та́к ї́й уби́ли бы́ли, шчо́. 'Избили ее люди. Узнали, что она оборачивается волком. И так ее избили, что (ужас)'.

Такое же употребление союзов в конце фразы известно и в говоре с. Синевир [МКЭ]:

Типе́р' бу́т'кы нийе́, типе́р' не ро́бл'ат бу́т'ку. Ай ваго́нчик прит'а́гнут де́с' ву́ткыс' та́й. *А да́вно бу́т'ка бы́ла.* 'Теперь будки нет, теперь не делают будку. А вагончик притащат где-то откуда-то, и всё. А раньше будка была'; *Ні́ч не ро́бл'ат. Нийе́ робо́ты та́й.* 'Ничего не делают. Нет работы, и всё'.

В синевирском говоре есть примеры параллельного употребления полного эмфатического оборота и усеченного до конечного союза:

А тко́ с'а хвали́ў, шчо́ згуби́ў? Про́думаў с'обі́ тай не каза́ў. Па́к про́думаў, шчо́ нийе́ н'о́го, тай и ўс'о́, шчо́ згуби́ў тай нийе́ та и ўс'о́, та шко́да н'а та́й. 'А кто хвалился, что потерял? Подумал про себя и не сказал. Подумал, что нет его, и всё, что потерял и нет и всё, и жалко мне и всё'.

Не хо́че на н'а́, ка́же, диви́ти, та́й гото́войе д'і́ло. Не хо́че н'а від'і́ти та́й. 'Не хочет на меня, говорит, смотреть, и готовое дело. Не хочет меня видеть, и всё'.

Примеры из Синевира с союзом *шчо*:

Тотá так худóбу дозират, шчо́. А!.. Дозират. Йой, бóже! ‘Она так ухаживает за скотиной, что (дай бог). А!.. Ухаживает. Ой, боже!’

С’н’гу упáло мáло бýло так нeмнóго, а йак пýшю́ такýй велýкый дóшч, тай тóт с’н’х, а растопили дoжжý тотý пýшли́, та тóтo дýже бýв.. так’и вóды бýли велýк’и, шчо́. ‘Сперва выпало немного снега, а как пошел такой сильный дождь, и этот снег, растопили эти дожди, и это очень был.. такие воды были большие, что (не дай бог)’

Тай онý тудý бýли, и вýн слýхав промóву Лeнiнa. Тóтo пушчáли, тó нарóда, тó зýйдут с’а, казáв, тýл’ко, йак’из’ гyбepнii бýли давнó, шчо́. ‘И они там были, и он слушал речь Ленина. Это пускали, было (много) народу, сойдутся, говорил, столько, какие-то губернии были раньше, что (страшное дело)’

Дес’ пýтнáц’ц’ат’ гóдý типéр’ йаг бы бýла-с’ приишлá. Йаг бы бýла-м бы уповéла ўс’ó до слóва, а типéр’ йа шчóс’.. шчо́ дáле, та йá гýлава стайý, шчо́. ‘Где-то пятнадцать лет назад если бы ты пришла. Как бы я тебе (рас)сказала всё до (последнего) слова, а теперь я что-то... чем дальше, я становлюсь (такая) никчемная, что (беда)’.

Ср. лексически выраженную эмфазу:

Такá, кáже, твéрдо бýла фáйна, шчо Сыне Бóжий, не мош с’а бýло надiввити на тóтý мёртвy. ‘Такая, говорит, сильно была красивая, что Сыне Божий, нельзя было надивиться на эту покойницу’.

7. Эмфатическое употребление союза *коли*

Союз *коли* (нейтральное значение — ‘когда’) при употреблении вне придаточных предложений выражает эмфазу, соответствуя русскому *как* (в примерах типа *как закричит!*), т. е. фактически имеет функцию частицы:

Та тýй сyс’iтка, тáм шчо р’áдом из нáми мáйе пóле, та поклáла на сáму мéжу д’iтiну, кол’áску з’ д’iтiнов. Коли́ с’а в’iтер изн’áв! н’iтдé хмáры ни бýло. ‘Тут соседка, там у нее поле рядом с нами, и положила на самую межу ребенка, коляску с ребенком. Как поднялся ветер! нигде тучки не было’.

Начáла с’а тýча-тýча такá. А д’iвчина – такá май малá бýла, йак нáш Вас’кó, – б’iгла двóром. И коли́ тту д’iтiну вэ’áло за волóс’а, та на кýчу поклáло. На кýчу поклáло, шчáс’ц’а, шчо бýв.. д’áд’а увóн, та ттý вхóпив

д'ітіну. ‘Пришла большая туча. А ребенок — такой поменьше был нашего Васки — бежал через двор. И как этого ребенка взяло за волосы и положило на конуру! На конуру положило, счастье, что был дядя на дворе и схватил ребенка’.

Та коли́ шчос’, кáже, лиш ру́ку ув’ід’іла, йак йі ручи́шчов гру́бов хот’іло ухваті́ти за волос’а. ‘И как что-то — говорит, только руку увидела, как ее огромной ручищей чуть не схватило за волосы’.

Та до́шч хот’ів па́дати, она пушл́а ота́ву.. с’іно зер’іба́ти. Бо́же, коли́ начав с’а в’ітер, та зна́йтее тта́.. пов’ітру́ла, йак кáжут, та́к мене́ обн’ала ота́вов, шчо й́а ста́ла йак йакáс’ копі́ц’а с с’іна. ‘А собирался дождь, она пошла отаву... сено сгребать. Боже, как поднялся ветер, и, знаете, эта... *повітруля*, как говорят, так меня облепила отавой, что я стала как какая-то копна сена’.

*Она́ покла́ла д’ітіну та грéпти пушл́а... Бо́же, коли́ то́т в’ітер тым с’іном, інде[...] *ті́хо бы́ло, н’ігдé**. ‘Она положила ребенка и пошла грести (сено)... Боже, как этот ветер этим сеном! в других местах [...] тихо было, (не было ничего) нигде’.

Пушóв, нó ігра́в ц’ілу ну́ч, та коли́ тто за́чало, вы́д дэ́вят ча́су на вéчур, ісході́ти с’а, тоты́ дийаво́лы вс’і. ‘Пошел, ну играл всю ночь, да как это начало, с девяти часов вечера, сходиться, эти дьяволы все’.

Бы́ли.. одéн йеврéй ту́й торго́вав, ма́в магази́н, та ку́л’ко за́йду, та.. за гру́ди ха́пле. Та коли́-м го урва́ла у ны́сок у магази́н’і, — ты шчо́, — кáжу, — ду́маш, ко́го ты берéж за гру́ди? ‘Были... один еврей тут торговал, так как ни зайду, за грудь хватается. Да как я дала ему в морду в магазине! — ты что, говорю, думаешь, кого ты за грудь хватаешь?’

Ту́й і ма́чоха в хы́жы, і й́а пришл́а, та ву́н имі́в мене́ на по́с’ц’іл’і [éтот]. Коли́-м с’а упе́лла ногóв та дры́лила нйм, кáжу му — «Ты́ свін’о...» ‘Тут и мачеха дома, и я пришла, а он [румынский жандарм] схватил меня на кровати, этот. Как я уперлась ногой и оттолкнула его, говорю ему — «Ты, свинья...»’.

В других закарпатских говорах в этом случае употребляется «обычное» як ‘как’, ср. в записи из Синевира (где сохранена исконная связь «как — так»):

«Й́ак т’а ўда́р’у». Кáже, «й́а та́к т’а ўда́р’у, шо ну́кнеш». Ват’ «й́ак, — кáже, — уда́р’у тобо́ў, й́ак тобо́ў уда́р’у, так роспу́кнеш’ с’а». ‘«Как дам тебе!» Говорят, «я так тебе дам, что лопнешь». Или «как, — говорит, — толкну тебя (букв. “ударю тобой”), как тебя толкну, так рассыплешься» [МКЭ].

Можно видеть, таким образом, что в говоре Русской Мокрой структура значений этих союзов несколько смещена в пользу *коли*, причем, как показывает материал, не только в этой точке — ср.:

[...] *то́же ни чу́ла-м за таке́, но́ чу́ла-м коли́ одén чолов'і́к у це́ркви сп'і́вав, правосла́вний бы́в. Потому́ перейшо́в у бапт'і́ста, в'є́руущого*. ‘Про такое я тоже не слышала, но слышала (про то), как один мужчина в церкви пел, православный был. Потом перешел в баптисты, «верующие»’.

В рамках настоящей статьи, разумеется, рассмотрены только выборочные черты синтаксиса говора села Русская Мокрая. Даже относительно небольшой корпус текстов из этого говора позволяет делать многие наблюдения над его грамматикой (см., в частности, о падежных конструкциях со значением времени: [Толстая 2024]). Ряд рассмотренных явлений обнаруживает параллели в западнославянских и южнославянских языках.

Литература и источники

- Гінзбург 2014 — М. Гінзбург. Про активні та пасивні конструкції в українських фахових текстах // Вісник Нац. ун-ту «Львівська політехніка». Серія «Проблеми української термінології». 2014. № 791. С. 3–14.
- Добош 1971 — В. І. Добош. Синтаксис українських південнокарпатських говорів: Текст лекцій. Ужгород, 1971.
- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста. М., 2008. 3-е изд.
- Кабанова 2010 — А. С. Кабанова. Архаичное и новое румынского инфинитива // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6 (15). С. 202–207.
- Лавриниць 2013 — О. Я. Лавриниць. Пасивні конструкції з дієсловами на -ся в сучасній українській науковій мові: питання нормативності // Наукові записки Ніжинського державного університету ім. М. Гоголя. Серія: Філологічні науки. 2013. Кн. 2. С. 90–97.
- Макара, Офіцинський 1995 — М. Макара, Р. Офіцинський. Німці на Закарпатті (X–XX ст.) // Німці на Закарпатті (X–XX ст.). Ужгород, 1995. (Carpatica–Карпатика. Вип. 4). С. 5–21.
- Маслов 1954 — Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. М., 1954. Вип. 1. С. 68–138.
- МКЭ — Материалы Карпатских экспедиций Института славяноведения.
- Николаев 2012 — С. Л. Николаев. Восточнославянские рефлексy акцентной парадигмы *d* и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных мужского рода с *о-* и *и-*основами // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2009–2011. Вип. 2. М., 2012. С. 32–189.

- Николаев, Толстая 2021 — *С. Л. Николаев, М. Н. Толстая*. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая // Исследования по славянской диалектологии. М., 2021. Вып. 23. С. 238–280.
- Николаев, Толстая 2023 — *С. Л. Николаев, М. Н. Толстая*. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура // Исследования по славянской диалектологии. М., 2023. Вып. 24. С. 246–312.
- Німчук 2004 — *В. В. Німчук*. Закарпатський говір // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2004. С. 190–191.
- Нимчук 1988 — *В. В. Нимчук*. Карпатоукраинско-южнославянские языковые параллели и тождества (история и перспективы проблемы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984. М., 1988. С. 294–313.
- Панькевич 1937 — *Іван Панькевич*. Чи можна говорити про болгаризми в південнокарпатських говорах? // Науковий збірник в 30. річницю наукової праці проф. д-ра Івана Огієнка. Варшава, 1937. С. 108–116.
- Панькевич 1938 — *Іван Панькевич*. Українські говори Підкарпатської Руси і сумежних областей. Прага, 1938.
- Плотникова 1977 — *О. С. Плотникова*. Словенский язык // Славянские языки. (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков). М., 1977.
- РП — *О. Лешка, Р. Шишкова, М. Мушинка*. Розповіді з Підкарпаття. Українські говірки східної Словаччини. New York; Praha; Київ, 1998.
- Сабадощ 2008 — *Іван Сабадощ*. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.
- ТКАЗ — телеграм-канал: анекдоти по-закарпатськи, t.me/@aneky_po_nasomu.
- Толстая 2023 — *М. Н. Толстая*. Ирреальный эпизод в истории восточнославянских связей // От сорочка к Олекше. Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. М., 2023. С. 541–552.
- Толстая 2024 — *М. Н. Толстая*. Падежные конструкции со значением времени в украинском закарпатском говоре // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы Международной конференции 25–27 октября 2024 г., М., 2024. С. 223–226.
- УГР — *Микола Павлюк, Іван Робчук*. Українські говори Румунії: діалектні тексти. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто, 2003.
- УЗГТ — Українські закарпатські говірки: Тексти / упор. та передм. О. Ф. Мигольниць, О. Д. Пискач. Ужгород, 2004.
- УКРБТ — Успореден корпус на руски и български текстове / Великотърновски университет “Св. св. Кирил и Методий”: <http://rbcorpus.com> (дата обращения 20.09.2025).
- Шек.ДИ — *П. Шекерик-Доників*. Дідо Іванчик. Верховина, 2007.
- Bąk 1984 — *Piotr Bąk*. Gramatyka języka polskiego. Zarys popularny. Warszawa, 1984.
- Haderka 1964 — *Karel Haderka*. Сочетания субъекта, связанного с инфинитивом, в старославянских и церковнославянских памятниках // *Slavia*. 1964. Roč. 33. Seš. 4. S. 505–533.
- Katičić 1986 — *Radoslav Katičić*. Sintaksa hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1986.

- Klemensiewicz, Lehr-Splawiński, Urbańczyk 1964 — Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1964.
- Kropaczek 1928 — *Stefan Kropaczek*. Zwrot “accusativus cum infinitivo” w języku polskim // *Prace Filologiczne*. 1928. Vol. XIII. S. 424–496.
- Kucharzyk 2024 — *Renata Kucharzyk*. Kilka uwag o germanizmach składniowych w gwarach Małopolski południowo-wschodniej // *Gwary Dziś*. 2024. Vol. 17. S. 91–104.
- Meyer 2010 — *Roland Meyer*. Reflexive passives and impersonals in North Slavonic languages: a diachronic view // *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. P. 285–306.
- NKJP — Narodowy Korpus Języka Polskiego: <https://nkjp.pl/> (дата обращения 20.09.2025).
- Károly 1954 — *Sándor Károly*. A magyar kettős tárgyú szerkezetek kialakulásáról // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1954. Köt. LVI. Old. 149–153.
- srWaC — Serbian Web Corpus: https://www.clarin.si/noske/run.cgi/corp_info?corpname=srwac (дата обращения 20.09.2025).
- Toporišič 2000 — *Jože Toporišič*. Slovenska slovnica. 4., prenovljena in razširjena izd. Maribor, 2000.
- Zablatnik 1990 — *Pavle Zablatnik*. Od zibelke do groba. Ljudska verovanja, šege in navade na Koroškem. Celovec, 1990.

Summary

Marfa N. Tolstaya

From the syntax of the Transcarpathian dialect of the village of Ruska Mokra

Based on a published corpus of dialectal texts, this article examines certain syntactic and morphosyntactic features of the Ukrainian Transcarpathian dialect of the village of Ruska Mokra: the accusativus cum infinitivo construction; the dativus possessivus of personal pronouns; passive constructions with reflexive verb forms; the perfect tense for expressing repeated action (possibly a continuation of the ancient imperfect tense); unreal conditional constructions without *by; conjunctions at the end of a phrase (emphasis); emphatic use of the conjunction коли. These phenomena are considered against the general background of the Transcarpathian dialect of the Ukrainian language; a number of them show parallels in South Slavic and West Slavic languages.

Keywords: Ukrainian Transcarpathian dialect, syntax, accusativus cum infinitivo, dativus possessivus, passive constructions, imperfect tense of the perfect aspect, conditional constructions, pluperfect tense, finite conjunctions, emphasis, Carpathian-South Slavic parallels